

меняет ум для пользы дела (т. е. обладает практическим умом), как идущего по верному пути; таким же видится и образованный человек.

К этому блоку близка девятая модель, объединяющая наименования умного человека, производные от глаголов движения. Здесь образ дороги внешне отсутствует, но сама логика развития значений предполагает представление об умном человеке как о много повидавшем, прошедшем жизнь в пути.

Десятая модель отражает ситуацию, когда человек становится локусом интеллектуальной неполноценности, отождествляясь с ней.

Из представленного набора моделей нельзя составить целостную картину, так как некоторые из них взаимоисключают друг друга. Например, ум – это и пространство, по которому передвигается субъект мышления, и пространство, куда проникают, где существуют и движутся идеальные объекты, и место хранения интеллектуального багажа. Мысль то перемещается независимо от субъекта мышления, то непосредственно управляется им. Все это демонстрирует мозаичность данного фрагмента языковой картины мира.

К. В. Пьянкова

Метеорологические явления и их «пищевая» интерпретация в лексике русских народных говоров

Уже А. Н. Афанасьев заметил, что существуют мифы, в которых человек пытается объяснить метеорологические явления: «Древнейший язык, давая названия предметам по их признакам, сблизил и отождествил все, что только напоминало текущие струи влажной стихии; поэтому не только вода, но и молоко, моча, сок дерева, растительное масло и общеупотребительные напитки (мед, пиво, вино) дали метафорические выражения для дождя»¹. Ведущим типом отождествления, на котором держится метеорологический миф, является отождествление осадков с пищевыми продуктами: «Любопытны свидетельства языка, указывающие на уподобление грозы и ненастья – приготовлению хмельных напитков: област. замолужаветь употребляется в смысле: захмелеть, опьянеть, а моложить применяется к погоде и значит: затягивать небо тучами, делаться пасмурным; моложный – туманный, се-

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 368.

рый; средний глагол замолаживает, замолодило – становится или стало облачно, пасмурно, а действит. форма замолаживать, замолодить – делать так, чтобы напиток заиграл, запенился (“замолодить пиво”))². Веских аргументов, которые подтвердили бы догадку, Афанасьев приводит мало, но, тем не менее, в более поздних исследованиях существование связи между пищей и метеорологией не подвергалось сомнению³.

Пища и метеорология во многом являются «основополагающими» сферами действительности, в том смысле, что от обеих человек находится в зависимости и волей-неволей вынужден их познавать: в пище – ее вкусовые качества, процесс приготовления, в метеорологии – ее характер, закономерности изменения. Следствием является то, что обе сферы детальнейшим образом проработаны как с точки зрения субстанций (молоко, пиво, квас, соль, сахар... – снег, дождь, град...) и их качеств (например, пища кислая, сладкая, соленая – снег влажный, сухой), так и с точки зрения процессов, с ними связанных (пища может киснуть, бродить, ее могут варить, жарить, печь... – погода проясняется, становится пасмурной, жаркой, холодной...). Нельзя не заметить, что по характеру разработанности эти сферы удивительно друг другу соответствуют: каждая «складывается» из определенных субстанций, которые способны модифицироваться во времени. Однако, как мы увидим далее, при всей их эквивалентности, инструментом познания все-таки выступает пища, сфера, в которой человек поистине хозяин, которой он способен «управлять», и, соотнося метеорологические явления с пищевыми, он тем самым пытается сделать внешний мир более понятным и предсказуемым.

О существовании «метеоролого-пищевого» мифа сказано уже довольно много и многими. В частности, Н. И. Толстым подробно рассмотрена реализация мифологемы «тучи – говядо, дождь – молоко» в различных жанрах традиционной культуры и фольклора. Автор отмечает, что «славянские народные представления о тучах-коровах и быках, прежде всего о грозовых тучах, подтверждаются диалектным лексическим материалом. Так, в вологодских говорах *бык* помимо основного значения имеет значение ‘первая туча перламутрового цвета, являющаяся предвестником сильной грозы, грозовое облако’ <...> уральское *бычки* – ‘маленькие облака, небольшие тучи’...»⁴. Ср. также: «Черная корова впереди стада – к дождю, красная –

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 370.

³ См., однако: Журавлев А. Ф. Наивная этимология и «кабинетная мифология» // Этимология. 1997–1999. М., 2000. С. 45–59.

⁴ Толстой Н. И. Еще раз о теме «тучи – говядо, дождь – молоко» // Н. И. Толстой. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 256–257.

к ведру»; «Корова у нас в загороде пасется. Если уж повернулась задом к Репику, так жди дождя»; «Мы залезем на отводок – коров встречать: если красная корова первая – будет красный день, черная – черный день. Погода так определяется» [КСГРС]. О том, что дождь представляется молоком «небесных говяд», свидетельствует белорусское поверье, «что самое благоприятное время для сбивания масла – час, когда скот возвращался с поля, а по небу плыли облака (Полоцкий у.). Они же (белорусы. – К. П.) считали, что если в Великий четверг идет дождь, то коровы будут давать много молока» [СД, 1, 504]. «Сербы для отгона туч обращались к последнему в селе утопленнику или висельнику, называя его по имени и заклиная его отвести своих «говяд» от полей и угодьев, например: “Ей вы, утопленники и висельники, верните белых коров (говяд) туда!” (зап. Сербия, Драгачево)» [СД, 2, 106]. Свидетельством того, что дождь каким-то образом зависит от скисания молока, является и следующий факт: белорусы выбрасывали лягушку или жабу в кислое молоко с целью вызвать дождь⁵.

Несомненно, что наличие такой мифологемы в культуре не могло не отразиться в языке, который становится одним из средств трансляции со временем «угасающего» мифа (что на примере культурно-языковых образов рассмотрено Н. И. Толстым). Наша статья также обращена к анализу тех лексических фактов, которые несут в себе следы «метеоролого-пищевого» мифа. Исходя из того, что интерпретационной системой (донором) является пищевая лексика, а интерпретируемой областью (реципиентом) – метеорология (такой вывод подсказывают факты культуры), при поиске материала мы отталкивались собственно от пищевых лексем.

Лексика, называющая каждую из рассматриваемых областей действительности, образует семантико-derivационную сферу, т. е. систему лексических единиц, вступающих в derivационные отношения с единицами иных сфер. Предметом нашего анализа явилась лексика, находящаяся на пересечении пищевой и метеорологической семантико-derivационных сфер. На ее материале возможно, во-первых, выявить основные виды соотношения пищевых субстанций с метеорологическими (дождь – квас, пиво; снег – каша, сало и т. п.); во-вторых, в ходе семантико-мотивационного анализа определить интегральные признаки, объединяющие метеорологическую и пищевую сферы, ведущие типы развития семантики (параллельный, когда у одного корня независимо друг от друга развиваются «метеорологичес-

⁵ См.: *Антропов Н. П.* Белорусские этнолингвистические этюды: 2. Вызывание дождя // *Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. М., 2004. С. 194.

кое» и «пищевое» значения и нельзя выявить, какая из сфер является донором, какая реципиентом, или цепочечный, когда существуют отношения донора-реципиента между сферами); в-третьих, привлекая этимологические данные, описать семантику деривационно активных корней (**kys-/kvas-*, **mold-*), что позволит сопоставить современные отношения между «пищевыми» и «метеорологическими» значениями с «исходными»; в-четвертых, сравнить характер взаимодействия этих сфер в культуре и в языке.

Если проанализировать семантический спектр основных корней, рассматриваемых нами, можно обнаружить закономерность, которая отчасти объясняет выбор некоторых из них.

В семантике корней **volg-*, **тъž-* (в *памжа* 'ненастная погода', 'кислятина'), **тъzg-*, **kys-/kvas-* присутствует сема влаги, которая объединяет «метеорологическое» и «пищевое» значения ('дождливая погода' и 'киснувшая жидкость'). Случаи с корнем **volg-* напоминают о существующем отождествлении естественной, природной влаги (в том числе сока растений, пота человека) с некоей «жирной» субстанцией, ср.: *волóга* волог. 'любая жирная пища'; карел. рус. 'жир', *волóжнъй* мурман. 'жирный' [СРГК, 1, 222], *сáло* 'грязь, раскисшая от воды почва' [КСГРС], *жир кипит* 'усиленно выделяется пот' («Ну и жарко сегодня, аж жир кипит во мне, сырая вся») [СПГ, 1, 262], *жѣ́рный* 'сочный, мясистый (о растениях), налитой (о колосьях)' [ПОС, 10, 244–245], *жир* (Лит. ССР) 'сок растения' [СРНГ, 9, 181]. Интересно, что практически то же самое мы можем сказать о дериватах корней **kys-/kvas-*: представляется, что некая кислая жидкость есть и в «гидрообъектах», и в живых организмах, растениях, или, другими словами, природная жидкость всегда кисловатая, кислая (это представление, несомненно, имеет реальные основания), ср.: *кѣ́слый бѣ́рег* арх. 'вязкий, топкий берег', *кислѹ́ха* арх. 'сырое болотистое место' [КСГРС], *кѣ́слый* волог. 'намокший' [СРНГ, 13, 235], арх., волог. 'водянистый' («Картоха нынѣ водяна, кисла»; «У чиликов шляпа коричнева, кислые, в руки возьмешь – они и раскисли») [КСГРС]. Большая часть реалий, называемых через посредство корней **kys-/kvas-*, так или иначе связана с влагой, увлажнением: ср., например, *квасѣ́ть* сиб. 'дубить кожи' [СРНГ, 13, 159], *откиса́ть* ряз., рост. 'отмокать' [Там же, 24, 203]. Вероятно, связь семантики корня **kys-/kvas-* с идеей влаги была изначальной: авторы «Этимологического словаря украинского языка» для праслав. **kysnǫti* восстанавливают значение 'киснуть; (первично) мокнуть' [ЕСУМ, 2, 438], что можно подтвердить, например, др.-рус. *квасити* 'мочить' [Срезневский, 1, 1202], болг. *кѣсна* 'мокнуть, киснуть' [ЭСБМ, 5, 40–41]. Очевидно, это объясняет и тот факт, что дериваты **kys-/kvas-* номинируют в основном жидкие пищевые продукты (литер. *квас*, *кисель*, *кислѹ́ха* коми-перм.

‘овсяный квас’, свердл. ‘брага’, арх. ‘опара’ [СРНГ, 13, 233], *кв́аска* том., новосиб., моск. ‘кислое тесто для заквашивания, закваска’ [Там же, 159]). Связанная с влагой исходная семантика корней **volg-*, **kys-/kvas-* служит определенным основанием для развития «метеоролого-пищевых» значений.

В ходе анализа мы будем следовать виду метеорологического объекта: выделяются группы лексем, называющих ясную/пасмурную, ненастную погоду и различные виды осадков – снег (лед), дождь. Рассмотрим каждую из них.

1. Ясная/пасмурная, дождливая погода.

1.1. Одно из представлений связывает скисание, брожение пищи с пасмурной, дождливой погодой. В этом случае «метеорологическую» и «пищевую» семантику объединяет:

а) идея разложения, разрушения вещества под действием влаги, раскисания. Наиболее активным в этой группе является корень **kys-/kvas-*. Посредством его дериватов обозначаются, с одной стороны, сырая погода, а с другой, портящаяся и влажная субстанция (ср., например, *кисля́к* смол. ‘старый гриб’ [СРНГ, 13, 236], *кислый* арх. ‘сырой, изгнивший (о дереве с плохой древесиной)’ («Мочит дерево, его уж не оправишь, уж то дерево плохое, кислое»)[КСГРС]).

См.: *кв́аситься* смол. ‘становиться пасмурным, покрываться облаками (о небе, погоде)’ [СРНГ, 13, 159]; *раскв́аситься* краснодар. ‘о наступлении сырой погоды или оттепели’ [Там же, 34, 117]; *скв́аситься* мурман. ‘измениться к худшему, испортиться (о погоде)’ [Там же, 37, 402]; *кислиться* смол. ‘портиться (о погоде)’ (*погода кислит* ‘идет к ненастью’)[Там же, 13, 230]; *раскиснуть* ворон. ‘о наступлении сырой погоды’ [Там же, 34, 118]; *кислый* костром. ‘пасмурный’ [ЛК ТЭ], ‘ненастный, сырой, дождливый (о погоде)’ [КСГРС]; *кислая осень* арх., *кислая погóда* арх., волог. ‘ненастье, пасмурная погода’ [Там же]; *кислая зима́* арх., волог. ‘о зиме без морозов, с оттепелями’ [Там же]; *кисель* карел. рус. ‘сплошные облака на небе’, мурман. ‘ненастье’ [СРГК, 2, 350]; *ókисель* костром. ‘облака, появившиеся на ясном до того небе’ [ЛК ТЭ];

б) визуальное сходство атрибутов процесса брожения (появление пены) и ухудшения погоды (появление облаков). Эта связь эксплицируется дериватами корня **mold-* и носит «параллельный» характер: в паре «пища – метеорология» нельзя выявить донора или акцептора, они объединены общей «этиологией». (Заметим, что авторы «Этимологического словаря украинского языка» реконструируют для *молодиться* ‘ухудшаться (о погоде)’ исходное **molga-* (**молога*) ‘облако, туча’, а форму **molditi se* считают гиперкорректной, возникшей из-за вторичного сближения с праслав. **mold-*

[ЕСУМ, 3, 502]. Таким образом, они относят метеорологические значения к совершенно иному корню.)

См.: *молодѣться* костром. ‘киснуть (о молоке)’; *молодѣ пиво* костром. ‘забродившее’ [ЛК ТЭ]; *мóлодо* арх. ‘неперебродившее пиво’ [СРНГ, 18, 226]; *молодѣзна* (без указ. места) ‘пена на перебродившем пиве, квасе’ [Там же, 223]; *молодѣк* пск. ‘молодой квас’ [Там же, 224]; *мóлодость* влад. ‘пена на квасе, пиве и т. д.’ [Там же, 227]; *молодѣстый* влад. ‘покрытый свежей молодой пеною’ [Там же, 224]; *нámóлоди* (*намолодѣк*, *намóлоду*, *намолоду-ху*) пск., твер. (безл. сказ.) ‘недавно поставленный, неготовый (о квасе)’ [СРНГ, 20, 40]; *пóдмóлод* пск., твер. ‘молодой квас из (старой) квасной гущи, с прибавлением солода’; *подмóложенная брáга* (*брáжка*) перм. ‘подслащенная бражка’ [СРНГ, 28, 84];

молодѣться терск. ‘делаться пасмурным (о погоде); замолаживать’ [СРНГ, 18, 224]; *мóлоди* том. ‘темные облака, тянущиеся параллельными полосами’, костром., горьк. ‘небольшие облака’ [Там же, 18, 223]; *зámолодь* орл., курск., арх. ‘дождевые облака, носящиеся по небу’ [СРНГ, 10, 253]; *мóложный* пск., твер. ‘пасмурный, туманный (о погоде)’ [Там же, 18, 233]; *замолодѣть* (*замолодѣть*) олон., ярсл. ‘покрыться тучами, облаками (о солнце)’ [Там же, 10, 253]; *замолóживаться* влад. ‘начинаться дождю’ [Там же, 10, 253]; *намолóживать* пск., арх., твер., новг. ‘становиться пасмурной, ненастной (о погоде)’ [Там же, 20, 39]; *намолóживать* новг., костром., ярсл., вят. ‘заволакиваться тучами (о небе), клониться к ненастью’ [Там же, 29, 220–221];

молодѣть пск., твер. ‘становиться сладким (о квасе)’, твер., новг., сарат. ‘заволакиваться тучами, делаться пасмурным (о небе)’ [СРНГ, 18, 222]; *молодѣть* влад. ‘покрываться свежей, молодой пеной (о пиве)’; *молодѣт погóда* перм. ‘появляются признаки дождя’ [Там же, 18, 224]; *мóлодь* волог. ‘пена на молодом пиве, квасе’, волог., костром., мурман. ‘дождевое облако’ [Там же, 18, 230]; безл. *замолóживаться* (*замолодѣться*) самар., вят., казан. ‘начинать бродить (о пиве, квасе)’, влад., костром., твер., моск., орл., казан., саран., юж.-сиб. ‘заволакиваться тучами, облаками (о небе); клониться к ненастью’, арх., беломор., сарат., черномор. ‘наносить туман’ [Там же, 10, 252]; *намолодѣть* пск., твер. ‘подновить квас, добавляя в него солоду’, пск., твер., новг. ‘стать пасмурной (о погоде)’ [Там же, 20, 40]; *размолóживать* новг., твер. ‘становиться ясным (о погоде)’, вят. ‘становиться лучше, спокойнее (о зимней погоде)’, вят. ‘бродить, закисать (о пиве, квасе)’ [Там же, 34, 24]⁶.

Ср.: польск. *młodzić* ‘делать молодым, омолаживать’, *młodzić się* ‘хмуриться, меняться на дождь; бродить, киснуть’ [ЭССЯ, 19, 165]; укр. *молодѣтися* ‘пасмурнеть’, *мóлоди* ‘небольшие тучи’, *молодина* ‘сметана’,

námolodina 'сливки' [ЕСУМ, 3, 502–503]; блр. *молодзёць* 'делаться туманным, затягиваться', *молодзіцца* 'затягиваться легкими тучами, мутнеть'; н.-луж. *rozmlōżeŋe* 'заквашивание, квашение теста', *rozmloda* 'закваска'; с.-хорв. *mláduiti mĕsto* 'еще раз перемешивать тесто' [ЭСБМ, 6, 179].

Для корня **mold-* Л. В. Куркина восстанавливает первичное значение 'мягкий, нежный, слабый': «незрелость, неполнота, незавершенность внутреннего развития – признаки, которые можно считать основными, определяющими в семантике слав. **mold-*, когда речь идет о меняющейся погоде, неустойчивом, переходном состоянии атмосферы или брожении молодого напитка (кваса, пива), еще несложившегося, неустоявшегося. Эта линия семантического развития 'вялый, слабый, мягкий' > 'незрелый, неразвитый'... наиболее определенное и полное выражение получила в русских диалектах, преимущественно северных и сибирских...»⁷.

И действительно, для корня **mold-* во многом характерна семантика нестабильности, незавершенности, переходности, он несет в себе идею модификации первоначального состояния: пиво начинает бродить, молоко превращается в простоквашу, небо заволакивается тучами, месяц и человек растут (*молодое* пиво, квас – напиток, начинающий бродить, небо *молодится* – меняет свое состояние: затягивается облаками или, напротив, проясняется).

При описании значения корня **mold-* важен компонент 'еще не готовый, не до конца созревший': ср., например, с.-хорв. *mládu sir* 'сыр, который еще не созрел'; ст.-польск. *mlody* 'молодой, незрелый', 'неопытный, новичок; свежий, недавно приготовленный'; др.-рус. *молодой* 'незрелый; недавно приготовленный, неперебродивший, пресный' [ЭССЯ, 19, 175, 176]. Таким образом, значение корня **mold-* включает в себя семантику нового как только что возникшего и семантику недозрелости, неполноты качества, его изменения, трансформации (ср. *новый* как 'другой, иной, не тот, что был прежде' [Даль, 2, 549], т. е. как процесс изменения плюс его результат), что, как кажется, наглядно демонстрирует «антропологическое» значение: посредством корня **mold-*, называется промежуточный период в жизни человека – уже не детство и еще не зрелость, – а также такой переходный

⁶ Ср. также смол. *закулаживаться* 'становиться пасмурным, покрываться тучами (о небе)', приводимое в статье Т. В. Горячевой, которое, как считает автор, образовано от *кулага* 'кушанье из толокна, заваренного кипяченой водой', 'закваска для браги или кваса – мука, сваренная с солодом', 'напиток из солода, похожий на пиво, брагу', 'простокваша'. См.: Горячева Т. В. «Замолаживает, заволаживает...» // Русская речь. 1986. № 6. С. 107–108.

⁷ Куркина Л. В. Славянские этимологии // Этимология. 1981. М., 1983. С. 7.

социальный статус, когда вступление в брак или только что произошло, или предполагается (ср. укр. *молодя́* 'юноша или девушка; молодые люди; жених и невеста, молодые; новобрачные, вообще молодое супружество' [Гринченко, 2, 422]; с.-хорв. *mláda* 'молодая невеста; молодая замужняя женщина; любимая, обрученная' [ЭССЯ, 19, 174] и т. п.).

Таким образом, у лексем этого корня параллельно развиваются «пищевое», «метеорологическое» и «антропологическое» значения; «синхронизируются» три процесса – брожения пищи, роста человека и изменения окружающей среды.

Производные корня **mold-*, относящиеся к сфере метеорологии, знатиосемичны: помимо 'дождливый, пасмурный' формируется семантика 'ясный, не затянутый тучами': *замола́живаться* (*замолоди́ться*) ворон. 'синеть (о небе)', арх., калуж., курск. безл. 'свежеть, холоднеть, подмораживать' [СРНГ, 10, 252]; *молодое небо* карел. рус. 'участок неба, не затянутый тучами, освободившийся от туч', блр. *молоды́тыс* 'улучшаться (о погоде)' [ЭССЯ, 19, 166]. Такое разнонаправленное движение семантики можно объяснить как раз тем, что значение корня **mold-* содержит идею нестабильности состояния: изменение от пасмурной погоды к ясной и наоборот.

В связи с *молодым небом* интересны комментарии авторов ЭССЯ, которые предполагают, что существовало представление о двух небесах – постоянном и меняющемся: «антонимы **starъjъ* – **moldъjъ* сохранили в некоторых случаях исходное семантическое противопоставление 'крепкий, твердый' – 'изменяющийся, слабый'. См. рус. диал. *старое небо* – о видимом небесном своде, небесной тверди (арх.), противопоставленной изменяющемуся небу, то затягиваемому тучами, то проясняющемуся» [ЭССЯ, 19, 166].

Производные корней **kys-/kvas-* и **mold-* являют наиболее сильную и стабильную связь между пищевой и метеорологической семантико-деривационными сферами: на их примере мы наблюдаем отношения зависимости метеорологической сферы от пищевой и равноправия между ними. Выявленная обусловленность состояния погоды процессом, происходящим в пище, разворачивается в тексте в следующее поверье: «Седня суп сварили, дак его надо седня съезть – а не съешь, дак завтра ведра не будет, плохая будет погода» [костром. – ЛК ТЭ]. Представление об ухудшении погоды как о ее закипании подобно пище проявляется, например, и в следующем факте: *сметáниться* 'затягиваться тучами' («Небо сметанится – громы нагрянут») [Садова, 102], где затягивание неба тучами интерпретируется как закивание молока (сворачиваясь, оно образует белые сгустки, которые напоминают белые тучки).

Помимо представленных «сильных» случаев, имеется ряд единичных фактов – слов, парадигма значений которых обязательно включает «метеорологический» и «пищевой» регистры, существующие параллельно, фактически вне всякой зависимости. Несмотря на единичность каждого, в совокупности они, на наш взгляд, являются показателем регулярности параллельного развития рассматриваемых типов семантики, постоянства их сосуществования, при котором нужен лишь минимальный толчок, чтобы эти два регистра соединились в одной мотивационной модели:

- ‘влажный, грязный’ → ‘сырой, пасмурный’ // ‘сырой, загнивший, испортившийся, кислый’ (в соответствии с версией авторов ЭССЯ для **mъzg-* реконструируется исходный и.-е. корень **meu(ə)*- с расширением *zg* (< *sk*), имеющий значение ‘влажный, грязный; пачкать, мыть’ [ЭССЯ, 21, 19]):

мóзгнуть пск., твер. ‘делаться пасмурною (о погоде)’, казан., влад., калин., краснояр. ‘портиться, тухнуть, киснуть (о продуктах)’; *мозгля́* краснояр. ‘сырая, дождливая погода, слякоть’; *мозгля́тина* (без указ. места) ‘сырая, промозглая погода’; *мозгля́вый* пск., твер. ‘дождливый, пасмурный (о погоде)’; *мозглю́вый* пск., твер. ‘дождливый (о погоде)’ [СРНГ, 18, 202]; *промозгля́тина* пск. ‘туманная, сырая, пасмурная погода’; *промóзгольный* пск., твер., ленингр., курск. ‘сырой, пасмурный (о погоде)’ [Там же, 32, 188];

мóзглый олон., ленингр., перм., забайк., сиб. ‘кислый, тухлый (о продуктах)’; *мозглое молоко* сиб. ‘кислое, скисшее молоко’ [СРНГ, 18, 202, 235]; *про́мзнуть* (*про́мзнуть*, *про́мзнуться*) юж.-сиб., перм., нижегор. и др. ‘скиснуть, протухнуть, испортиться’ [СРНГ, 32, 186]; *промзгá* ‘сильно испортившееся съестное’; *про́мзглый* (*промзгло́й*) юж.-сиб., перм., нижегор., костром., влад. ‘скисший, протухший, испортившийся (о пище)’ [Там же, 32, 185]; *про́мзглый* арх. ‘кислый, скисший (о молоке)’ [Там же, 32, 186]; *замóзгнуть* тобол., краснояр. ‘скиснуть, прокиснуть’; *замóзгнуть* краснояр. ‘скиснуть, прокиснуть’ [Там же, 10, 214, 250]; *промозга́ть* юж.-урал. ‘киснуть, тухнуть, портиться’ («Пить надо, раз промозгать (молоко) начало»); *промо́згнуть* волог., арх., яросл., новг. и др. ‘скиснуть, протухнуть, испортиться’ [Там же, 32, 188]; *промо́згнуть* свердл. ‘прокиснуть (о молоке)’; *про́мо́зглый* волог., калуж., арх., том., казан. ‘начинающий скисать, немного кислый (о молоке, жидкостях)’ [Там же, 32, 192, 188];

- ‘дождливая погода’; ‘находиться под действием дождя, влаги’ → ‘становиться испорченным, кислым’: *пáмжа* смол., пск. ‘погода (обычно плохая)’, пск. ‘о чем-либо кислом, кислятина’; *пáмжиться* пск. ‘делаться кислым, киснуть’ [СРНГ, 25, 184]. Вероятнее всего, что *пáмжа* (и *пáмжиться*) – приставочные образования от **тъжа* (**тъга*) ‘дождь’ [ЭССЯ, 21, 92];

- ‘изменять состояние’ → ‘улучшаться (о погоде)’ // ‘двигаться’ → ‘под-

ниматься (о тесте): *растворится* день новг. 'разведрится, разгуляется (о погоде)'; *растворилась* квашня 'слишком увеличилась, поднялась (о тесте в тесте)' [СРНГ, 34, 250];

- 'играть' → 'двигаться, изменяться' → 'проясняться (о погоде)' // 'бродить (о жидкости)': *изрѣть* арх. 'проясняться (о погоде)', урал. 'бродить (о жидкости)' [СРНГ, 12, 69]; *пиво разыгралось* 'сильно играет, пенится'; *погода разыгрывается* 'встает, хочет расходиться' [Даль, 4, 55];

- 'веселить' → 'возбуждать, будоражить' → 'способствовать брожению'; 'быть невеселым, быть неподвижным, «заставиться»' → 'портиться (о погоде)': *веселить* (*подвеселять*) пиво 'пускать в него хмель' [Даль, 1, 186]; *веселить* киров. 'заквашивать (о молоке)', без указ. места 'класть хмель в пиво, брагу для брожения' [СРНГ, 4, 179]; *невеселое время (лето)* олон. 'пасмурная, сырая погода' [Там же, 20, 333]. По мнению Н. И. и С. М. Толстых, корень **vesel-* с «глубинным» значением 'жизненная сила, здоровье, процветание, плодородие' вступает в отношения семантического параллелизма с корнями **mold-*, **igr-**, что подтверждается и на нашем материале наличием у обоих корней «метеорологической» семантики и семантики кисания.

1.2. Напомним, что в предыдущей части речь шла об отождествлении пасмурной/ясной погоды с состоянием бродящей, закисшей пищи. Чтобы более полно обрисовать случаи взаимодействия «пищевой» и «метеорологической» лексики, нужно упомянуть и те факты, когда осадки уподобляются жировым, молочным субстанциям – маслу, жиру, салу. Такой вариант «метеоролого-пищевой» модели представлен, например, лексемами *сало* 'холодная ветряная или дождливая погода' [СРНГ, 36, 67] и *замаслить* 'покрыться тучами, нахмуриться (о небе)' [СРГК, 2, 155]. Интересна реализация аналогичной модели в украинском и белорусском языках, ср. *видьма масло бье* (*колотить*) 'дождь при солнце' [СД, 2, 111].

Производные корня **volg-* с «родовой» семантикой 'вода, влага, жидкость' (*волóга* 'влага, вода, жидкость, масло, сало, жир' [Даль, 1, 234]) также имеют «метеорологическое» и «пищевое» значения, ср.: *заволóжить* (безл.) 'закрывать тучами, клониться к ненастью' [НОС, 3, 15]; *заволóжить* 'затянуть тучами' [СРГС, 2, 156]; *волóга* 'ненастная, дождливая погода' [СВГ, А-Г, 78]; *волóжить* 'приправлять жиром, салом', 'приправлять чем-либо пищу для вкуса', 'покрывать слоем жира' [ПОС, 4, 116]. Однако здесь говорить о реализации «пищевой» модели сложно, так как семантика пасмурной,

* См.: Толстой Н. И., Толстая С. М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. **vesel-*) // Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 179, 182.

дождливой погоды (как и значение 'масло, жир'), вероятнее всего, развивается от исходного значения корня **volg-* 'вода, влага'. Отметим, что в некоторых случаях мы можем говорить о контаминации продолжений корней **volg-* и **mold-* (мена *в* и *м*), которая связывает два представления: осадки как масло, жир и осадки как пиво, квас.

2. Осадки (снег, дождь, лед).

Вторая группа «метеорологической» лексики связана с номинацией таких реалий, как снег и лед. Выделяются три основных типа связанных с ними представлений: влажный снег – нечто кислое; снег – каша, крупа; лед на реке – сало, капли жира.

2.1. 'Кислый' → 'влажный, размягченный' → 'мокрый, липкий (о снеге)': *кислотá* пск. 'слякоть, дождь со снегом' [СРНГ, 13, 233]; *кíсель* арх. 'морозящий дождь; мокрый снег; снег с дождем'; *кíслый снег* волог. 'липкий снег'; *кислу́нья* арх. 'снег, выпавший на уже оттаявшую землю' [КСГРС]; *подмóлаживать* (*подмоло́дить*) смол. 'запорошить, покрыть свежим снегом', том. 'добавлять солод, сахар, и т. п., чтобы усилить брожение' [СРНГ, 28, 83].

В этом случае привлечение лексем с корнем **kys-* также может быть объяснено изначальной связью его семантики с идеей влаги, тем более, что во всех примерах они обозначают влажный, липкий снег, снег с дождем.

2.2.1. 'Зернистый, мелкий' → 'мелкий, сухой (о снеге)': *крупá* арх. 'о мелком снеге' («Снег, как крупа, повалил»); *гречневая крупа* арх. 'о заспе (сухом снеге)' («Как гречневая крупа, заспа летит») [КСГРС].

2.2.2. 'Зернистый, влажный' → 'мокрый (о снеге)': *кутья́* куйбыш., волог. 'хлопья падающего снега; плохая погода' [СРНГ, 16, 178]; *кашу ло́жками с неба роняют* 'о падении мокрого снега' («Слекишша, как кашу ложками снегом роняют»); *каша с маслом* волог. 'о мокром весеннем снеге' («Весной снег лежит да дождь, делается как бы каша с маслом, снег с дождем») [КСГРС]. Отметим, что в последнем примере опять выстраивается пара *масло* – *вода*, рассмотренная нами ранее.

2.3. 'Подобный застывшей капле жира, плавающей на поверхности воды' → 'мелкий лед, снег на реке': *сáло* 'мелкий снег на реке перед ледоставом', 'о воде, выступившей зимой на лед' [КСГРС]; *сáлом плыть* юж.-урал. 'о реке, покрытой мелким льдом, шугой'; *салá* моск. 'мелкие льдины на поверхности воды перед ледоставом' [СРНГ, 36, 64, 53]; *сáлиться* казан. 'покрываться мелким льдом'; *сáлить* яросл. 'заполнять поверхность воды *салом* (мелким льдом)' [Там же, 36, 62]; *засáливать* иван. 'покрывать тонким слоем не сплошного льда о водоемах' [Там же, 11, 19]; *сáло* без указ. места 'шуга, ледяная кашица, идущая по реке перед ледоставом' [Даль, 4, 130]; *мáсло*

‘мелкий снег на реке перед ледоставом’ [КСГРС], волог. ‘снег на бревнах, подкладываемых под спускаемую в воду барку для лучшего ее скольжения’ [СРНГ, 18, 13]; *тук* арх. ‘ледяное сало, шуга, мелкий плывущий лед’ [Даль, 4, 441].

Соотнесение метеорологического термина *сало* ‘мелкий лед на реке’ с пищевым продуктом можно рассматривать как результат народной интерпретации; в таком случае данную лексему следует возводить непосредственно к глаголу **saditi* и реконструировать как **sadlo*, т. е. *сало* – это ‘то, что осело на реке’. Учитывая, что лед на реке может называться не только *сало*, но и *масло*, и *тук*, на наш взгляд, можно говорить об исходной связи *сала* на реке с пищевым *салом* и существовании регулярной мотивационной модели: ‘подобный застывшей капле жира, плавающий на поверхности воды’ → ‘мелкий лед’.

Любопытно также последующее развитие этой модели через выстраивание пары *сало* – *мясо*. Выделяется три стадии образования льда: «Сначала не лед еще идет, а кбрша, потом сало по реке пошло, а уж потом мясо» [костром. – ЛК ТЭ]. По мнению Е. Л. Березович (устное сообщение), форма *кбрша* ‘лед на реке’ возникает через народно-этимологическое сближение с *каша*: как говорилось выше, *каша/крупна* получают «метеорологическое» осмысление благодаря значениям ‘влажный/сухой снег’. Таким образом, выстраивается целая система «пищевых» номинаций льда на реке: *кариша* (**каша*) трактуется как ‘ледяное крошево’, *сало* ‘тонкий лед на поверхности’ и *мясо* ‘вполне крепкий, «основательный» лед’.

Отождествление осадков с определенными пищевыми продуктами мы находим и в фольклорных текстах (загадках), где *масло*, *сусло* и *квас* используются для кодирования дождя. Ср.: «Сусляно, / Масляно, / До лесу протянуто» (Дождь) [Садовников, № 2005]; «Раскину я рогожку, / Насыплю горошку, / Поставлю квасу кадушку, / Положу хлебу краюшку» (Небо, звезды, дождь и месяц) [Там же, № 1979].

В детских приговорках, зазывающих дождь, он «приманивается» при помощи квасной (пивной) гуши, т. е. при помощи своего «аналога»: «Дождик, дождик, пуше! / Дадим тебе гуши, / Дадим тебе ложку: / Хлебай понемножку. / Я убогий сирота / Отворяю ворота / Крючком, пяточком, / Беленьким платочком» Ряз. [Шейн, 35]; «Дождик, дождик, пуше! / Дам тебе гуши, / После обеда – горячего хлеба» [ТФ, 108]; «Дождик, дождик, пуше! / Едет Ванька с гушей, / Задел за пенек – / Осветился огонек, – / Задел за кочку, – / Пролил гуши бочку» [Шейн, 36].

Таким образом, существуют два основных вида представлений, связывающих пищу и метеорологию: соотнесение дождя, туч, ненастной погоды

с продуктами молочного происхождения (молоком, маслом) и продуктами брожения (например, пивом, скисшим молоком, квасом). Подобное соотношение в языке проявляется и через параллельное развитие «метеорологической» и «пищевой» семантики, и через донорство «пищевой» лексики (погода *квасится*, *киснет* и т. п.).

Вероятнее всего, что первичным типом отношений между «пищевой» и «метеорологической» лексикой была корреляция без пересечений: эти группы параллельно сосуществовали, мотивированные сходными признаками (идея влаги, изменения, модификации субстанции, ее «разложение» и т. д.), выйдя из единого источника и функционируя независимо друг от друга, что демонстрируют дериваты корней **mold-*, **mъzg-*, **mъd-* и др. Затем на каком-то этапе происходит их пересечение, вызванное воздействием нескольких факторов.

1. Наличие во внеязыковой сфере – в сфере культуры – «метеорологического» мифа, в котором закрепляются отношения тождества между пищей (молоком, маслом, квасом, пивом) и явлениями природы (осадками, облаками): «в представлении древних славян скисание молока, брожение пива, заквашивание хлеба отождествлялось с заволакиванием неба облаками, замерзанием воды, порчей погоды вообще»⁹; осадки воспринимались как пиво, квас и т. д. неких небесных существ или молоко небесных коров. Этими представлениями в какой-то мере можно объяснить следующий ряд поверий, приводимых В. И. Далем и А. Н. Афанасьевым: коли пенится в подойнике молоко, то будет дождь [ПРН, 921]; от грозы пожар заливай молоком от черной коровы; пожар от грозы гасят квасом, пивом, молоком, яйцами [Там же, 929]; нечаянно пролитое за столом вино или масло принимается – то за счастливый знак, как предвестие плодородия и обилия, посылаемых дождями ливнями, то за примету недобрую, как указание грядущей убыли¹⁰.

В текстах малых фольклорных жанров мы наблюдаем, как «метеорологическая» и «пищевая» сферы связываются причинно-следственными отношениями, в которых каузирующим элементом чаще является пища, ее состояние влияет на состояние погоды (ср. контекст: «Доедай суп – будет хорошая погода» [костром. – ЛК ТЭ], т. е. если недоеденная пища прокиснет, то наступит ненастная погода). Вполне закономерно, что такая причинно-следственная связь превращается в языке в отношения мотивационной зависимости, при этом «пищевая» семантика будет левым звеном мотивационной цепочки, а «метеорологическая» – правым.

⁹ Горячева Т. В. «Замолаживает, заволаживает...». С. 107.

¹⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. С. 377.

2. Наличие нескольких корней (**mold-*, **mъzg-*, **kys-*/**kvas-* и некоторые другие), производные от которых обязательно входят в два семантических регистра – пищевой и метеорологический. Языковой механизм метафоры трансформирует коррелятивные отношения этих значений в мотивационные. Другими словами, семантический параллелизм ряда корней приводит к появлению новой модели семантической деривации, образованию ранее не существовавшей связи между постоянно присутствующими семантическими регистрами. Можно говорить о возникновении в языке следующих основных метафор:

- погода портится так же, как портится пища (*киснет*), потому что и пища и погода «портятся» от влаги;
- состояние неба с появлением туч меняется так же, как жидкость (пиво, брага) с началом брожения, появлением пены, пузырей (небо *молодеет*);
- погода проясняется подобно тому, как выстаивается пиво, квас (*играет, гуляет, веселится*);
- снег становится влажным, липким (*кислым*), подобно испортившейся, раскисшей пище, каше (сухой же уподобляется крупе);
- снег, лед на реке подобен плавающему на поверхности салу, маслу.

Таким образом, мы видим, что «пищевая» и «метеорологическая» сферы вступают во взаимодействие и в культуре, и в языке, но типы их интеракции различны: в культуре это отождествление и взаимозаменяемость, возможность символической подмены (пища как субститут метеорологических явлений). В языке возможно первоначальное независимое сосуществование, закреплённое генетическим родством; затем на фоне собственно корреляции возникают поддержанные культурным и системно-языковым факторами мотивационные отношения, в которых свойства продукта становятся основой для метафорического именования метеорологического явления. Хотя окончательно установить, язык или культура явились источником «метеоролого-пищевого» мифа, довольно сложно; вероятно, нужно говорить о двусторонней мотивации.